

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

И.Н. РАЙКОВА
(Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ МУРОМСКОГО КРАЯ)

Традиционная культура детства — весьма благодатная область для живых наблюдений и исследований. Объясняется это необычайной широтой собирательского «поля». Все мы «родом из детства», каждый человек в детском возрасте был носителем детской традиции своего времени. Многие люди так или иначе были приобщены и к фольклору взрослых для детей. Следовательно, культура детства — общее, объединяющее всех людей достояние, к тому же непреходящее. Вот почему потенциальным информантом может стать практически любой человек независимо от возраста, пола, образования, профессии, городской и деревенский житель, хотя, естественно, различия в репертуаре и оценках будут¹.

Неоспорим тот факт, что синхронный срез традиции может быть изучен прежде всего по наблюдениям за ее естественными носителями (для собственно детского фольклора это сами дети, для поэзии пестования — те, кто их в данное время пестует, и т.п.), естественными ситуациями бытования, по аутентичным текстам. Однако мы считаем не менее актуальной и плодотворной попытку рассмотреть *детскую традицию по воспоминаниям взрослых*, большей частью даже

пожилых исполнителей. На наш взгляд, это дает многое: приоткрывает уже утерянное, забытое в наши дни, позволяет сопоставить прошлое и современность. Степень сохранности материала выявляет приоритеты (что в первую очередь прошло через «фильтр памяти», что осталось в глубоком пассиве и т.д.). Появляются ценные образцы рефлексии исполнителей по поводу традиции и самих себя внутри нее. Наконец, рассказы-воспоминания взрослых рисуют «образ детства», имеющий самостоятельную ценность, в том числе и эстетическую.

В связи с последним замечанием хотелось бы сразу привести пример. Казалось бы, перед нами обыкновенное этнографическое описание, разъяснение малосведущему городскому человеку, из чего сделана и как устроена зыбка. Ни о каких декоративных элементах в нем речь не идет. Однако принадлежность этого предмета быта миру детства, его неразрывная ассоциативная связь с поэзией пестования (ведь «технологические шумы» движения зыбки и задают ритм колыбельной песни) влияют на стилистику самого рассказа о ней. Описание трудно оторвать от следующей за ним песни, поскольку один текст порождает другой, вкуче формируя некий гипертекст²: *«...Вот зыбочка такая вот была деревяненькая, а к ней вот приделаны вот такие вот веревочки, а эти веревочки втыкались в пружину, а пружина прикреплялась за крючок к потолку. [Соб.: А внутрь туда что клали?] А внутрь клали ватничек и подушечку. [Соб.: А дно у нее тоже было деревянное?] Нет, было из мешковины сделано, не деревянное. И катали их. И была прицепочка к ней привязана. Вот ножкой зацепишь ночью, с кровати катаешь:*

¹ Подробнее см.: [Райкова 2004].

² О гипертексте в фольклоре см., например: [Дианова 2004].

*Баю-баю-баю-баю,
Не ложися на краю.
С краешка упадешь,
Головушку зашибешь.*

Вот такие вот песенки собирали, сами складывали» (зап. в 2005 г. Е.А. Барсуковой и Ф.А. Ордынцем от Зинаиды Андреевны Алексеевой, 1923 г.р., д. Межищи)³.

В целом в Муромском р-не Владимирской обл. (на полевых материалах, записанных в этом районе в 2003—2005 гг., и основана настоящая статья) от взрослых зафиксировано не так много поэтических текстов детского фольклора. Преобладают именно разнообразные, зачастую очень яркие и эмоциональные рассказы-воспоминания — свидетельства о тех или иных сторонах детского быта и культуры, о бытовании жанров, отношении к ним. В рассказах выражается рефлексия пожилых информантов по поводу того, что и как они воспринимали в детстве.

Относительно небольшое количество поэтических текстов детского фольклора обусловлено не только тем, что они забываются или мы недостаточно о них расспрашиваем, но и, как показывает материал, большой степенью их импровизационности и зависимости от ситуативного контекста. Текст рождается каждый раз заново в естественной ситуации и забывается вне ее. Вот почему общим местом в ответах на просьбу исполнить что-то являются фразы типа: «поёшь, что в голову придет», «сама не знаешь что», «что вздумается» и т.п. Это не лукавство, а честная попытка объяснить тайну текстопорождения в самый момент исполнения, когда это необходимо: «Вот так, чего вздумаешь, то поёшь. А уж сколько времени прошло, милая! И то уж я еще как-то помню... [Соб.: А что-нибудь говорили, когда ребенок делает первый шаг?]

*Доченьке годочки!
Сяма-сяма ходи,*

³ Анализируемые тексты находятся в фольклорных архивах Государственного республиканского центра русского фольклора и Московского городского педагогического университета.

*Вот сяма-сяма-сяма иди,
И за рученьки ведешь,
И на ноженьки пойдешь!*

Вот и плетешь, и плетешь, сама не знаешь чего... «Сяма, сяма, сяма — пошла сяма...» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Александры Михайловны Смоловой, 1926 г.р., с. Борисово).

Об импровизационности свидетельствует такой, к примеру, финал традиционной потешки «Ладушки»: бабушка хочет с ее помощью добиться практической цели — хорошего аппетита ребенка, делая текст скорее заговорным, чем потешным, и применяя его к конкретной жизненной ситуации.

*— Ладушки-ладушки,
Где были?
— У баушки!
— Чого ели?
— Кашку!
— Чого пили?
— Бражку!
— Чого на закуску?
— Бельенку капустку!
Кашку манну, кашку пшенну...
И вот все детки растут,
Кашку едят
И детки растут!*

(зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Александры Михайловны Смоловой, 1926 г.р., с. Борисово).

Та же исполнительница, рассказывая об игре, ни одной считалки вспомнить не может, хотя, по ее же словам, когда недавно общалась с внуком, помнила: «Считалочки были, вот я забыла все. Вот недавно с внуком играла, считалочки всё ему говорила, он тоже очень любопытный». Приведенные примеры наглядно показывают, что зачастую метод интервьюирования оказывается малоэффективным, а застать или смоделировать естественную ситуацию не всегда удается.

Живые рассказы-воспоминания разрушают исследовательские стереотипы. Например, в функции одного жанра могут выступать другие, причем не обязательно детские. Так, исполнительницы вспоминают, что усыплять малышей пытались не только колыбельными, но и любыми другими песнями, частушка-

ми, напевая их в близкой к колыбельным манере: «*И частушки пели. [Соб.: Да, детям и частушки пели?] Да конечно, Господи, только бы успокоить! [Соб.: А что, например, пели?] Уже сейчас частушки-то не такие, ну вот я, примерно-то, как сказать, ну уж это про гулянье мы пели:*

*Глубока река Ока,
И то замутилась,
Горяча была любовь,
И то разлучилась.*

Война-то началась — все погибли робятки. Вот эту пели:

*Я жду да пожду
Ухажера на берегу,
Я уж тут уж растерялась,
Я уж тут уж не могу.*

[Соб.: И вот это детям пели?] *И детям вот пели, только бы чего запеть, чтобы успокоились, укатать, спать-то уложить»* (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Екатерины Михайловны Сумкиной, 1921 г.р., с. Булатниково).

А то обходились и вовсе без вербального текста: «*Я не знаю, как бывают дети спокойные, у меня оба были блажные. [Соб.: Кричали очень, да?] Ну, по целой ночи, по целой ночи качаешь, качаешь. Вот качаешь, качаешь их, рука сорвется, опять заорал, ну, вот пока качаешь, сама заснешь, опять заорала⁴, по целой ночи качаешь...* [Соб.: Ну, а качали, что-нибудь пели, да?] *Ночью-то не пели, какой тут петь: ночью все спят. [Соб.: Просто качали, да?] Качали...*» (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Зинаиды Павловны Белкиной, 1928 г.р., с. Булатниково).

Детства не бывает без рождения. Рассказы об обстоятельствах собственного рождения, первом дне жизни выходят за пределы меморатов-воспоминаний и относятся к семейным преданиям, так как по понятным причинам передаются нашим исполнителям от их родственников, главным образом матерей, которые, как известно, помнят свои роды до мелочей. Рассказы о рождении и смерти анализирует в своей монографии

И.А. Разумова, речь в соответствующем параграфе [Разумова 2001, 283—302] идет в первую очередь об их мифологической составляющей и прогностической функции (сбывшиеся предсказания, гадания, угадывание судьбы по первым словам и пр.). В наших записях есть рассказ, лишенный этого. В нем можно выделить (и то с натяжкой) лишь один из тех мотивов, на которые указывает исследовательница: «нестандартная ситуация рождения ребенка» [Разумова 2001, 286]. Обычно эти ситуации связаны с преодолением препятствий, опасностью смерти, в данном же тексте реализуется скорее сказочно-анекдотическая модель — рождение здесь подано как неожиданный сюрприз семье: «*Нас было у матери трое. Мать рассказывала, что каждый четверг приезжали торговцы и торговали, ярмарки были. <...> А дому нашему 105 лет. Мать рассказывала, как она меня здесь родила. Она пошла на базар, ну, каждый четверг они ходили. И она пришла туда, встретила своих братьев, а была в положении мной. Вот почувствовала — плохо, и она оттуда ушла, с базару. Пришла, а вот рядом старушка была повитуха, мать вот за ней — и родила меня вот тут. Братья приходят с базару, а уж я плачу! Они на нее: “Нянь, ты что это, ты чё это?” А она и говорит: “Вот купила на базаре”. А-ха, купила на базаре. <...> Это было 13 ноября 21 году, 1921 году. Вот я на этой кровати родилась, и как год исполнился, ну, может, другой, ну да, уж на другой годик через этот коридор (терраски не было, только были пороги и всё) через этот коридор вступила на землю, и вот 84 года я хожу по этой земле. Я <...> всю жизнь прожила здесь, в этом дому, в этом дому...*» (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Екатерины Михайловны Сумкиной, 1921 г.р., с. Булатниково).

Факт собственного появления на свет, а затем и первый шаг по земле осмысливается рассказчицей как значимый и становится предметом повествования⁵.

⁵ Следует заметить, что муромчанки (и Екатерина Михайловна Сумкина — яркий образец в этом отношении) вообще отличаются чувством собственного достоинства, даже некой внутренней самодостаточностью, а в связи с этим способностью ничему не удивляться, всё принимать как должное.

⁴ Путаница в грамматическом роде здесь не случайна: у исполнительницы сын и дочь.

Нам представляется, что этот текст всё же имеет отношение к воспоминаниям о детстве: в нем отражен ироничный детский взгляд на материнский ответ-уловку на вопрос, «откуда берутся дети» (мама якобы покупает ребенка на базаре). Сам ребенок, особенно деревенский, очень рано ощущает эту версию как полуправду, некую недоговоренность, а вскоре и как неправду, забавную выдумку, шутку. Деревенские девочки могли присутствовать при родах своих матерей (во всяком случае находиться здесь же, в доме), и домашние нередко даже не пытались утаить от их любопытного взгляда жестокие, драматичные житейские подробности этого события. Так, исполнительница спокойно рассуждает о гибели своей только родившейся сестреники: *«Помню, мать троих родила на полу, привезли соломы ржаной, настлали. Пришла бабушка-повитуха. Она говорит: “Ребёнок не один. Езжайте за акушеркой!”. Ездили. Двух родила, а третью не стали отхлопывать. Она (акушерка. — И.Р.) говорит: “Куда столько детей?”. И не стали её уже...»* (зап. Е.А. Барсуковой и Ф.А. Ордынцем от Зинаиды Андреевны Алексеевой, 1923 г.р., д. Межищи).

В Муромском крае, как удалось узнать, с маленькими детьми сидели либо старые бабушки, либо старшие сестры: *«Да, с нами бабушки сидели. [Соб.: А раньше старшие сестры занимались с детьми?] А как же, занимались! Попробуй не займись, мать быстро башку-то открутит»* (зап. в 2005 г. Е.П. Невзоровой и Т.В. Устиновой от Валентины Ивановны Зеленковой, 1941 г.р., д. Мордвиново).

Теперь рассказчицы с юмором вспоминают, какое неприятие вызывала порой обязанность сидеть с младшим братишкой или сестренкой, к каким ухищрениям девочки прибегали, чтобы успеть «во время дежурства» еще и пообщаться со сверстниками, и к чему это могло привести: *«Мама ушла на работу: “Нинка, я ухожу, там Коля не спит, иди!”. А мне хочется на улицу гулять. Я к зыбке привязала веревку, окошко открывала, вышла на улицу — тут девчонки “в царицу” играют. (Сколько игр было! Нет сейчас этого, сколько упустили!..) И мне хочется “в царицу”! Я за веревку-то дёрг! Раскачала. Веревка перетерлась. Дерг, а дверь избя-*

ная открыта была. Он вместе с зыбкой в огород, это, вылетел... Это сейчас дети одеты. А тогда в телогрейку без рукавов я его завернула. Его искала, искала в телогрейке — зыбкой закрыло его...» (зап. в 2003 г. В.В. Журавлевым и О.А. Теплухиной от Нины Петровны Золотухиной, 1929 г.р., с. Чаадаево).

В довоенное время здесь был более или менее развит и институт наемных «девочек-нянь» — называлось это «сидеть в наемках». Девочки 7—15 лет на время летней страды нанимались сидеть с младенцами, заодно многие выполняли и какую-то подсобную работу по дому. Показательно, что у бывших нянек наиболее богатый репертуар фольклора взрослых для детей: *«Нанимали. Моя мать в наемках жила. На лето всё держали наемок, когда работы много. Наша мать не держала, сами всё делали...»* (зап. в 2005 г. Е.А. Барсуковой и Ф.А. Ордынцем от Зинаиды Андреевны Алексеевой, 1923 г.р., д. Межищи); *«Это я сидела по наемкам. Бедность была, но тады свое хозяйство было, землю убрали, а меня по наемкам нанимали. Я много сидела: здесь только в нашем селе у троих, на Войлине сидела. Это летом, на лето нанимали. 15 рублей денег дают да на платье купят. Всё лето сиди! И полы мыла, и посуда моя была, и с ребятишками сиди!»* (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Прасковьи Борисовны Парфеновой, 1916 г.р., с. Борисоглеб). Если девочек нанимали нянчить в своем селе, то они ночевали дома, но рано утром надо было быть «на службе»: *«Вот она уходит в 5 часов утра, вот жать они ходили, картошку выбирали, и меня уж туды, и я вот там с ними остаюсь»* (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Екатерины Михайловны Сумкиной, 1921 г.р., с. Булатниково).

Няньки, у которых с воспитанниками небольшая разница в возрасте, впоследствии становились им практически подругами. Наша исполнительница (в прошлом 8-летняя няня) при встрече подтрунивает над своей бывшей подопечной: *«Уж мы работали на свекле и всё, а я когда скажу ей: “Ой, ой! Какая ты была зёвласта⁶! Ой, какая ты была зёв-*

⁶ Зевластая (от «зевать») — крикливая (местн.).

ластая!»". Мы ее катаем, катаем, катаем, никак ее не уймешь. Ой, батюшки! Хлеба нажужешь, в марлю завяжешь и ей в рот сунешь. Вот маленько успокоится» (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Екатерины Михайловны Сумкиной, 1921 г.р., с. Булатниково). Те, у кого разница большая, могут на всю жизнь сохранить трогательные отношения, близкие к отношениям *мать — ребенок*. Так, известный в с. Борисоглеб гармонист Михаил Иванович Захаров (1931 г.р.) навещает свою бывшую няню Прасковью Борисовну Парфенову (1916 г.р.), беспокоится о ее здоровье, ласково зовет «няня», чему свидетели в 2003 г. были свидетелями.

С «наемками» связаны и драматичные сюжетные истории, когда маленькие няни не хотят сидеть в чужом доме и активно этому противодействуют. Вот одна из них: «*Меня вон в Максимова отравили, сорок километров шла... Допёрлась... Пришлось нянчиться с Вовкой. Вовке тогда было года два, полтора...* [Соб.: А вам сколько было?] *А вот я с сорок первого, он с сорок восьмого. Семь лет мне было. Родная тетка у меня там, отцова сестра. И вот их два. Она на покос как раз. Коровы да овцы, надо помочь, а их куда? Она ушла, там где-то косит в лесу. Они так мне надоели! Я их погрузила в люльку, простынь сверху закрутила, чтобы они не вылезли, и пошла. Собрала всё имущество себе свое, и такой платок белый мой был — нигде его не нашла: наверно, тетя Нюра надела его... Резинку вот так подтянула — и к опушке лесом. И вот я как раз прихожу, дождик кончился, Зина (родная сестра рассказчицы. — И.Р.) под крыльцом там в песке играет... И на следующий день или вечером тетя Нюра на лошади примчалась за своим сыном...*» (зап. в 2005 г. Е.П. Невзоровой и Т.В. Устиновой от Валентины Ивановны Зеленковой, 1941 г.р., д. Мордвиново). Интересно, что девочка не бросила даже жутко надоевших детей, а потащила их (как свое имущество, как кукол) к себе, т.е. для нее благом было находиться хоть и с этими детьми, но в своем домашнем мире⁷.

⁷ Ср. с рассуждениями М.П. Чередникова о семантике детских мифов: «Психологически освоение пространства для ребенка определяется границами дома. Надежность этих границ связана с присутствием близких

Слушая рассказы-воспоминания, каждый раз убеждаешься, насколько насыщенной была жизнь детей и как дети еще в недавнем прошлом были вовлечены в жизнь взрослых. Мир детства в традиционной культуре не был совершенно обособлен от взрослого мира. В воспоминаниях объединяются и описания детских забав, форм досуга, и этнографические сведения, и мифологические представления взрослых, преломленные детским восприятием, и многое другое. Очень показателен рассказ о деревенской колдунье: это яркая картинка из детства пожилой исполнительницы, которая показывает, чем дети занимались зимой, как одевались, что их забавляло и что пугало: «*Вот одну мы боялись бабку — Грушину Бахилу (на самом деле она была Бушужева Аграфена). Думали, что она колдунья. Мы ребятами с горки катаемся на салазках. (А возили сено из лугов в колхоз на лошадях. Ну, мы щип, щип, чтобы на салазки-то сесть! Теперь, мил моя, в штанах, а у нас чулки, а ляжки голы.) Ну, мы сядем на это сено на салазках — и с горы! А она ходила (козы у нее были, корова) с граблями всё, вдоль дороги согребала. Вот мы с горы спускаемся. Если только у кого увидит сено на салазках, бежит за тем, за пацаном ли, за девочкой, чтобы сено забрать! Бежишь с салазками до тех пор, и она бежит за тобой, зубы вот выставит сюда — мы так боялись! Салазки бросим, она сено берет и уйдет. Мы спускаемся за салазками. Вот всё так. Она пугала нас вот этими зубами вставными. Может быть, она ничего и не знала. А может быть, она озорная была, кто-то чего-то говорил, что знает, ведь боялись... Так и прозвали ее — Колдунья. Она на ведьму была похожа*» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Нины Алексеевны Брейкиной, 1936 г., с. Чадаево). Страх по отношению к старухе вызван ее необычным поведением, внешностью (вставные зубы как отделяющаяся часть тела — этот же страх стал источником фантастических образов страшилок), но поддерживается и взрослыми слухами о ней как о ведьме.

людей. В свою очередь, социальное пространство ограничено рамками семьи, которая представляется идеальной моделью миропорядка вообще» [Чередникова 2002, 99].

Интересно, что дети чутко отделяют традиционную мифологию, к которой относятся с пиететом, от неумелого детского фантазирования-запугивания. Так, исполнительница с иронией рассказала, как в детстве подружка пыталась ее испугать, но не достигла желаемого: *«Подруга приходит: “Ой, ты знаешь, от этой бани идет такое чудовище — не лошадь, не корова, не бык, ничего. Это такое чудовище, как будто в лохматых штанах... Вот встретился нам”. А это нужно через овраг идти к нашему дому. “Ой, а потом исчезло”. Всё исчезло сразу... Понимаете?»* (зап. в 2004 г. И.В. Змеевым и Н.В. Черных от Елены Ивановны Михеевой, 1926 г.р., д. Шумилиха).

Есть яркие воспоминания о том, чем дети лакомились: вызывали восторг блюда из простых продуктов, но приготовленные каким-то особым образом и поданные именно как лакомство, готовые не каждый день, а по специальному «детскому» заказу. Таковы, например, «солодушки» из сахарной свеклы — в рассказе дается и рецепт приготовления, и живой диалог по поводу самой ситуации. Исполнительница воспроизводит давние бурные эмоции: *«И вот они упарятся — сладкие! <...> Эта солодушка — вкуснотища, нам тогда казалось. У мамы много было дочерей-то, и вот все внучата, как приходили, обязательно вот эти солодушки. Чугун вытащит — и его одним махом за вечер всё съедят! “Мама, испеки солодушек!” — “Так не ешьте свеклу-ту!”». <...> Она отпарится, сделается такая коричневая! Сахарна, бела свекла упарится до такой степени, что коричневая. <...> Это не везде, это чаадаевско такое блюдо. Это деликатес был»* (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Нины Алексеевны Брейкиной, 1936 г., с. Чаадаево).

Мы записали интересные и эмоциональные детские воспоминания о календарных обрядах и календарно приуроченной взрослой деятельности, ассоциации, вызываемые тем или иным праздником. Так, Покров связан с листопадом и вечной детской забавой — шуршать опавшими листьями: *«Второй праздник (престольный. — Соб.) — Покров — 14 октября. С детства помню, что у нас по деревне аллеи были лип и кленов. И вот к этому времени был листопад, и мы бе-*

гали, шурша этими листьями. Много было листьев...» (зап. в 2004 г. И.В. Змеевым и Н.В. Черных от Людмилы Николаевны Машковой, 1927 г.р., д. Красный Бор).

Только в детстве, когда очень веришь в чудо, ожидаешь его, оно действительно приходит (причем регулярно и закономерно): *«Радужное воскресенье. В это воскресенье солнце радуется. Я в детстве много раз видела, как солнце радуется: разными лучами, сейчас очень мало, с тех пор и не знаю...»* (зап. в 2004 г. И.В. Змеевым и Н.В. Черных от Людмилы Николаевны Машковой, 1927 г.р., д. Красный Бор).

Пожалуй, наилучшим образом среди календарной обрядности Муромского р-на сохранилась обрядовая игра «Катание яиц», до недавнего времени этим занимались повсеместно и регулярно — начиная с Пасхи и до петровского поста каждое воскресенье («катальные» дни). И это был подлинный апогей совместной обрядовой деятельности взрослых и детей: «катались» от мала до велика — дети, парни, мужики, молодые бабы, старухи. *«Ой, я была лютая кататься!»* — говорили нам многие о себе. *«Варили по несколько штук. Я знаю, вот у нас бабушка целый чугунок сварит, так поровну всем детям делились. И еще у нас гуси были. Давали по одному гусянину, мне они очень нравились, хотя у них белок грубоватый, но мне они нравились на вкус. И вот выходили — около дома уже стояли дети. Но не только дети катали яйца, но и взрослые. Женихи и невесты катали. Так во время этой игры набирали очень много яиц и приносили домой»* (зап. в 2003 г. В.В. Журавлевым и О.А. Теплухиной от Нины Петровны Золотухиной, 1929 г.р., с. Чаадаево); *«Катали, милый! И здесь недавно тока перестали катать. Вот в этом доме вот жила тетя Маня Куприна. Она была на Пасху заводила.... И лунку приготовит, и яйца. Ребятишки мои только бегают: “Давай, ма, давай, ба, яйца!” — “Да каких тебе яиц?” — “Проиграли, яиц давай!”». Вот опять им даешь. Прокатали — опять бегут за яйцами! Катались...»* (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Зинаиды Павловны Белкиной, 1928 г.р., с. Булатниково).

Прежде чем стать полноправными участниками, дети были свидетелями

осенне-зимних молодежных собраний в избе (здесь это называлось «ходить в тетку»): забравшись на своеобразный «бельэтаж» на печке, они наблюдали и мотали себе на ус, ни одна деталь не ускользала от их внимательного взгляда: «В тетку раньше ходили. Придут — кто вяжут, кто прядут. Вот и я сама пряла... Робята приходят. Начинают тут уж... озорничали: кто запрядок утберут у девок, чтоб не прясть, а посидеть поговорить да похабáлить. Вот и к нам уж (я маленька когда была) народу найдут, а у нас избушка невелика была, я там у церквей жила. Залезем на печку: робят полно пришло, да и девок. Залезем на печку, сидим, лёжím да поглядывам» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Прасковьи Борисовны Парфеновой, 1916 г.р., с. Борисоглеб).

Сильное впечатление на детей производили ряженые (здесь они называются «святками»). Рядилась молодежь, а маленькие дети их откровенно боялись. Это не удивительно: сокрытие истинного лица под личиной, переодевание, резкое и нарочитое изменение манеры поведения знакомого человека — извечный источник младенческих страхов, так как воспринимается как форма исчезновения человека⁸. В муромской традиции «святки» и вели себя достаточно развязно и агрессивно. «Ну, святками — наряжаются всякими шóблами, хто как. Хто чучелом каким страшным, хто получше. Придут вот, начинают вот хулиганить, палками вот тычут друг дружку, озорничают. Я вот маленька сама боялась святок. А тут раз мать залезла в подпол картошку набирать себе, а я сидела одна. <...> Вот святки идут! И к нам идут! А у нас просто было. Я к матери прыг — в подпол к ней туда. Она:

- Ты что?
- Ой, святки идут, святки идут! — заплакала.
- Она вылезла из подпола:
- Вы что хулиганите? Уходите, уходите, девчонка вон испугалась вас!

⁸ Недаром предметы костюмирования становятся носителями зла, смертоносной силой в страшилках, что нашло отражение в исследованиях и указателе мотивов [Лойтер 1998, 125, 128—129].

Вот так и ходили по селу: то к этому придут, то к этому. Вот наряятся: корзинку возьмут, с корзинкой на руку вот да с палкой, придут да ребятишек вот так вот дразнят (показывает, как тычут палкой. — Соб.)» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Прасковьи Борисовны Парфеновой, 1916 г.р., с. Борисоглеб). Можно провести аналогию и с младенческим страхом угрожающей, хватающей руки, также нашедшем отражение в детских мифологических рассказах [Чередникова 2002, 119—122]. Здесь рука еще и продлевается за счет палки.

Думается, во многом страх поддерживался родителями, которые хотели по возможности отсрочить участие детей в этом «озорстве». «Когда увидишь, да домой прибежишь. “Мамаш, там ряженые идут, ряженые идут!” — “Ступай закройся, закройся!”. Пойду закроюсь...»; «Вот у соседей парень напугался — заикаться стал...» (наверняка дети повторяли слухи, идущие от взрослых) (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Екатерины Михайловны Сумкиной, 1921 г.р., с. Булатниково).

Пожилые люди любят вспоминать и собственно о детских играх (в Муромском р-не особенно популярны были подвижные игры «Лапта», «Козны», «Чижик», «Клёк» / «Клок», «Чехарда», «Папа-гонялово», в них играли мальчики и девочки вместе). С грустью констатируют факт, что раньше дети играли больше, потому что их самих было много, были устойчивые игровые компании — теперь же и играть-то некому: «У нас сколько ребятишек! Вот здесь у нас по улице, я тебе скажу, сколько у нас детей у каждого было. Вот в нашем доме, в моем, было девять. <...> Здесь был большо-ой дом. Тоже восьмеро было. Вот здесь было 5—6. Тут вот было только пятеро. Там вот, в тем доме, шестеро вот еще на краю. Туды дальше было тоже шестеро. <...> Вот какая была бригада. Целая бригада! Одна только улица. А было четыре бригады. Каждая была улица — бригада. А щас никого нет. Вот я выйду <...> — ни одно дитя не бежит. А мы, бывало, кто в козны, кто в белки, кто в... (как его?) кто в шанда, в мячик, кто как, кто чего играли» (зап. в 2003 г. И.Е. Посохой от Раисы Дмитриевны Веденеевой, 1930 г.р., д. Петраково).

Вообще, в рассказах об игровом досуге самая устойчивая оппозиция — «раньше» (в детстве нынешних бабушек) / «сейчас» (их наблюдения за внуками). Раньше было несколько больших игровых коллективов — сейчас их почти нет. Раньше дети знали разнообразные игры и с удовольствием играли — сейчас и игр не знают, и отсутствует потребность затеять совместную игру (она вытеснена массовой культурой): «*Раньше детей было столько, а сейчас в деревне глухо, тишина, только если каникулы. И то — вот у меня внучата, их четверо. Сидят у меня под свою музыку. Ни во что не играют. У них то телевизор⁹, то музыка*» (зап. в 2005 г. Е.А. Барсуковой и Ф.А. Ордынцем от Зинаиды Андреевны Алексеевой, 1923 г.р., д. Межищи). Раньше подростки играли в детские игры — сейчас они считают это зазорным, подчиняют свое поведение стереотипам взрослых: «*Сейчас уже девочки двенадцатилетние губы красят, кудри крутят, ходят по деревне. Уже женихов каких-то! А мы бегали в четырнадцать лет-то! Бегали, в прятки играли. Помню, дом был заброшенный, а там репы выросли выше дома. Мы в эти репы прятались. А представляете, какие мы оттуда вылезли! У нас и в головах везде репейники. На другой день сидели и друг у друга выщипывали эти репейники*» (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и С.В. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатниково).

Репейник — очень показательная деталь. По нашим наблюдениям, природное пространство вообще было детьми прекрасно освоено, они чувствовали себя в нем хозяевами, превращали в пространство игры, в предмет игры, в материал для игрушек. Разнообразные растения, сено, снег, лужи — это неисчерпаемый детский арсенал: «*А раньше улица была вся в траве. Не было ни машин, ничего. Только лошади ходили. А лошади не натопчут. <...> А раньше бегали! И ногу не наколешь.... Любили вот бегать-то по*

лужам-то. А щас попробуй пробегись! Без ног будешь. [Соб.: А когда дождик идет — дети что-нибудь кричали? Вот бегали по лужам, кричали?] *Орали!»; «Еще в прятки играли. В деревне ведь знаете как в прятки играть! Ой, там мест столько! И в крапиве, в лопухах, и за угол, и за двор, и залезть можно куда-то!»* (зап. в 2003 г. И.Е. Посохой от Раисы Дмитриевны Веденеевой, 1930 г.р., д. Петраково); «*Мы понимали, что такое горох, пшеница. Сейчас спроси: где ячмень? — не ответят. А мы <...> собирали эти колосья. <...> Большие стога соломы, ржи, пшеницы, и <...> прям прыгали среди стогов, я всегда так делала. И меня родители ругали, они придут, вымоют меня, но я была с головы до ног, вся в пыли. Вот к чему так прыгали? Не знаю... И в снегу: “Летит Гагарин, летит Титов, летит Терешкова”.* [Соб.: В снег прыгали?] *Все прыгали в снег, вот такая игра. Не знаю, кто нас научил. Во втором классе была, 1961 год...* [Соб.: А вот делали кукол из цветов?] *Да, мы делали. Это любимое было занятие, из одуванчиков, из васильков, а больше всего из одуванчиков: легче было*» (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и С.В. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатниково).

Отсутствие разнообразной игровой деятельности у нынешних детей некоторые исполнительницы объясняют меньшей их самостоятельностью, в чем отчасти усматривают и вину родителей, которые больше опекают своих чад, ограничивая их свободу. «*Раньше над детьми так не тряслись, как сейчас: некогда было, да и детей было в семье много, были более самостоятельные. Это сейчас ребенок один — с него порошок сдувают*» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Лидии Михайловны Игнатовой, 1930 г.р., с. Борисово). О младенце говорят: «*Бывало, ткнули — пошли: делать надо то скотине, то в огородах... Тут и колыбель не колыбель. Другой раз и плачет, и <...> Это сейчас по три года вон сидят, не надбхнут, уж не знают, чего делать. А тут тырк его — знаешь, что он не встанет, не убежит. И пошли...*» (зап. в 2005 г. Е.П. Невзоровой и Т.В. Устиновой от Валентины Ивановны Зеленковой, 1941 г.р., д. Мордвиново). О ребенке, который уже ходит: «*Придет по уши, скорей его замывай!.. Всё было*»

⁹ Любопытно, что телевизор по отношению к внукам осмысливается как враг, опасный конкурент традиционной культуре, сами же бабушки с упоением смотрят и обсуждают телесериалы.

(зап. в 2003 г. И.Е. Посохой от Раисы Дмитриевны Веденеевой, 1930 г.р., д. Петраково). О более старших детях: «*И вот бежим по деревне-то, хе-хе, разутые, ничего не боялись и не болели, и ноги не накалывали, а где наколешь, и так ладно, всё пройдет. А теперь всё бережем, как бы не настыл, как бы ножки не намочил бы...*» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Лидии Михайловны Игнатовой, 1930 г.р., с. Борисово).

Конечно, описания, реконструкции игр, в большинстве своем уходящих, неизвестных современным детям, очень важны (их еще надо суметь грамотно сделать!), но не менее ценными представляются эмоциональные, оценочные комментарии, спонтанно возникающие, попутные этнографические свидетельства, воссоздание обстановки игры: «*“Лепта” — это наша игра была, очень занятная. Я могла с мячом проиграть весь день. А мячей-то не было, мы делали из тряпок мячи-то. А у стенки я всех побеждала! У нас еще папа там работал в магазине, и у нас был мяч (покупной. — И.Р.) — так этот мяч на разрыв, Господи! Приходила вся улица, чтоб поиграть хоть в этот мяч, хоть в лепту-то эту поиграть. <...> Еще игра “Чижик”. Чижик — это лопаточка, с одного конца стесанная. <...> Ну, делали сами, папа мне делал. У некоторых очень красивый был, раскрашенный... В “Чижика” я очень любила, а уж в “Лепту” эту! А уж кроме “Лепты” мячом играли всякие там выкрутасы. Там к стенке, два хлопка, поворот, ой, там фантазия!» (зап. в 2004 г. И.В. Змеевым и Н.В. Черных от Валентины Сергеевны Кузьмичевой, 1941 г.р., д. Шумилиха).*

Как видно из приведенного текста, в детстве больше ценился покупной мячик как что-то новое, редкое, непривычное. Теперь же произошла переоценка ценностей и исполнительницы с гордостью вспоминают, что им кукол шили бабушки, что они перенимали у них мастерство и сами шили кукол (и эти игрушки, как теперь им представляется, лучше массовых, фабричных). Шили и потом — своим детям, однако детей уже этому не научили. «*Ой, раньше и кукол-то не было. Я помню, бабушка нам нашла своих кукол-то, свойских. <...> Мы и*

*не видели покупных-то кукол. [Соб.: Из лоскуточков, да?] Да, и платочек покрывает, и всё там, и сарафан ей сошьет, наденет. <...> И подушечку сошьет, и какой-нибудь ватничек сошьет, вот укладывает. <...> Это теперь завал у детей-то, а раньше у нас не было такого, только что всё свое, игрушки свойские» (зап. в 2005 г. И.Н. Райковой от Зинаиды Павловны Белкиной, 1928 г.р., с. Булатниково); «*Интересные-ти игрушки раньше были. Кукол сами шили и платья им. Я и детям сама шила. А ткань я уже не делала, не ткала, я покупала. А мама моя еще ткала. Пост был великий, 7 недель шел, и этим постом она ткала» (зап. в 2003 г. И.Н. Райковой от Елизаветы Кузьминичны Барановой, 1916 г.р., с. Борисово); «*Шили кукол из тряпки. Расписывали им личико. Делали кукол, лошадок из соломы. Солому надо сжать, разровнять, высушить. Плели колыбельки, шляпки, корзиночки, шкатулки» (зап. в 2004 г. А.С. Беловой и О.А. Теплухиной от Ольги Михайловны Сирюк, 1932 г.р., с. Кривицы).***

Называют и традиционные девичьи игры в куклы — в свадьбу, в семью: «[Соб.: А куклами в свадьбу играли?] *Играли, играли. Жених и невеста спать лягут, тут под свадьбу куколка в белом. [Соб.: А жених тоже был кукла?] Куколка, куколка. Невеста — платье, а парень — тряпку длинную, вот и всё, ног не было» (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и С.В. Просиной от Веры Аверьяновой Герасимовой, 1913 г.р., д. Мордвиново).*

Единичное свидетельство — об игре с куклами в похороны: «*Мы кормили кукол, из трав делали, мы их хоронили, даже плакали, поминки справляли, делали маленькие могилки и живыми цветами могилки украшали. Мы прям кукол хоронили, маленьких, как детей, мы так играли, закапывали, бугорок делали и... около него из полевых цветов водили молибин» (зап. в 2005 г. О.В. Жуковой и С.В. Просиной от Татьяны Николаевны Кузнецовой, 1953 г.р., с. Булатниково). К сожалению, собиратели не расспросили подробнее, однако из слов «*маленьких, как детей*» можно заключить, что девочки разыгрывали именно похороны детей, очевидно в том возрасте, когда они пытаются осознать и пережить тот факт, что и ребенок может умереть.*

В то же время в играх в куклы отражались и более современные реалии. Так, 50-летняя исполнительница (заметьте: учительница) вспоминает, что любила играть «в школу», усаживая кукол и что-то им объясняя.

Расспрашивая пожилых мужчин, записываем редкие свидетельства о забавах мальчиков-подростков и отношении к ним. В отличие от девичьих, они более экстремальны, важна зрелищная сторона, производимый на тех же девчонок эффект: *«Змея мы пускали, привязывали тыкву пустую, и там свечка. В ночь. Она лётает и сверкает. Сами делали змея и запускали. Катушку брали черной нитки десяти, толстую всё же, и вот привязывашь и запускаешь»*. [Соб.: Это тоже на Старый Новый год?] *Это когда хошь, но больше осенью делали*. [Соб.: И люди пугались этого?] *Да нет, это забава»* (зап. в 2003 г. Е.В. Грудзенко от Василия Ивановича Локалина, 1924 г.р., с. Борисово).

В рассказах о совместных играх подросших ребят и девочек подчеркивается психологическая подоплека, то, ради чего они и устраивались: *«В “Расходку” еще играли, это постарше. Это когда парами ходили. Становимся все молодежь парами, за руки беремся, как ручеек, знаете? Выбирает кто-то, и пошли по улице. Ну, можно куда-то в проулок идти. Хотелось, чтобы выбрал тебя парень, который нравится, прошел по тропиночке...»* (зап. в 2004 г. И.В. Змеевым и Н.В. Черных от Валентины Сергеевны Кузьмичевой, 1941 г.р., д. Шумилиха).

Таким образом, устные воспоминания людей старшего поколения о детстве должны стать в наши дни предметом фиксации и пристального изучения, так как они представляют традицию в ее многомерности и динамике, выявляют контекст¹⁰ фольклорных жанров, еще бытующих и уже перешедших в ранг фольклорного наследия. Мемораты о детстве показывают явления детской и взрослой традиционной культуры в их

взаимодействии и нерасторжимом единстве, как это исконно и было. При этом они и дают собственно информацию, и воссоздают эмоционально-оценочный фон, и демонстрируют ценные образцы народной рефлексии по поводу традиции. К тому же сами тексты меморатов следует рассматривать как часть традиции, а не только вспомогательный материал, так как они обладают фольклорной стереотипией.

К сожалению, изучать эти рассказы по существующим фольклорным сборникам весьма затруднительно, так как в нашей издательской практике долго господствовала привычка публиковать фольклорные поэтические тексты изолированно, редко с лаконичными комментариями. Вся надежда в этом отношении на памятливых исполнителей и чутких собирателей. Материалом данной статьи послужили рассказы современных деревенских жителей, однако возможно и необходимо записывать и изучать подобные воспоминания в городе.

Литература

Дианова 2004 — Дианова Т.Б. Текстовое пространство фольклора: методологические заметки к проблеме // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М., 2004. С. 5—17.

Лойтер 1998 — Детские страшные истории («страшилки») / Предисл., публ. и «Указатель типов и сюжетов-мотивов детских страшных историй («страшилок»)» С.М. Лойтер // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998. С. 56—134.

Разумова 2001 — Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Райкова 2004 — Райкова И.Н. Актуализация статуса «носитель детской фольклорной традиции» в современной практике собирания и публикации детского фольклора // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М., 2004. С. 117—122.

Чередникова 2002 — Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии // Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф. Шевченко. М., 2002. С. 77—210.

¹⁰ Мысль об актуальности фиксации именно контекста, а не только текстов традиционной культуры детства неоднократно и настойчиво звучала в докладах и дискуссиях на Первом Всероссийском конгрессе фольклористов (февраль 2006 г.) в рамках работы секции «Детский фольклор».